

Отповедь Юй Цзюрань, впрочем, ничуть не смутила Юй Минси.

— Мы на мастерство полагаемся, — отрезал он. — Так что забудь, будто твоё вонючее бабло может всё на свете.

Обладатель «вонючего бабла» не только не обиделся, но и, расплывшись в довольной ухмылке, поддакнул с видом влюблённого дурака:

— Да-да, радость моя, ты во всём прав. Наш Цзюй Жань — гений, ему и донатить не нужно, чтобы разносить всех в пух и прах.

Поставив точку в обсуждении игры, Юй Цзюрань официально завершил собрание. Ли Хуайхэн наблюдал за этой сценой с невольным содроганием. Только что на совещании президент Юй Минси изо всех сил старался сохранить серьёзный и представительный вид, но стоило заседанию закончиться, как он едва ли не физически приклеился к их исполнительному директору. Остальные сотрудники, давно привыкшие к подобным нежностям начальства, молча собирали вещи и деликатно исчезали.

Толстяк Сю Аньюань, проявив завидное рвение, ткнул Хуайхэна локтем в бок.

— Пошли отсюда, — шепнул он. — Того и гляди, они прямо здесь и развлекутся.

Потрясённый Ли Хуайхэн молча поднялся и вместе с Аньюанем вышел из офиса.

Сю Аньюань оказался на редкость радушным малым, в отличие от Тао Цзиньи, который держался особняком и вел себя довольно холодно. Что же касается роботов, те в принципе не жаловали человеческое общество. Если они и общались, то исключительно друг с другом — по их собственному выражению, между ними и людьми лежала пропасть из бесчисленных строк программного кода. Впрочем, в быту синтетики проявляли исключительное дружелюбие.

Заметив, что Хуайхэн провожает взглядом быстро уходящего Тао Цзиньи, Сю Аньюань поспешил оправдать коллегу:

— У него сейчас не лучший период на личном фронте, — пояснил он, опасаясь, что новичок почувствует себя лишним. — Ходит сам не свой, совсем расклеился. Так что ты не принимай это на свой счет, он не со зла такой нелюдимый и заросший.

Ли Хуайхэн был тронут заботой добродушного толстяка. Он искренне похлопал его по массивному плечу.

— Спасибо тебе.

Сю Аньюань смутился. Он неловко поскрѐб затылок, пряча застенчивую улыбку. Глядя на Хуайхэна, который был едва ли не на полголовы ниже, он почувствовал, как симпатия к новому знакомому растѐт с каждой секундой.

Конечно, это была чисто дружеская симпатия — желание побрататься с хорошим человеком. Будучи мужчиной, которого привлекали люди сильные и волевые, Сю Аньюань сразу решил, что с Хуайхэном они станут верными товарищами. Что за вопросы? Разве толстякам заказан путь к любви? Разве не могут они грезить о своем идеале? Вот похудеет он — тогда и поразит всех присутствующих, а пока... пока стоит хотя бы научиться держать рот на замке и не перекусывать каждые пять минут.

Приятели, весело переговариваясь, прошли вместе до перекрестка и разошлись — они жили в разных кварталах.

Ли Хуайхэн сел на линию легкого метро. Меньше чем через десять минут поезд, пронзив пространство мегаполиса, доставил его к дому. Вокруг высились жилые громады, словно сошедшие с одного конвейера. Облицованные особыми материалами, здания отсвечивали разными цветами, создавая иллюзию уникальности, но стоило подойти ближе, и становилось ясно: это была типовая застройка, отличавшаяся лишь внешним декором.

Поднявшись на лифте на двадцать восьмой этаж, Хуайхэн оказался в компании таких же усталых клерков, возвращавшихся со смены. Мужчины и женщины, старики и молодежь — все они стояли, уставившись в пустоту перед собой, поглощенные своими лентами в Соми. Ни у кого не возникало ни малейшего желания заговорить с соседом.

У Хуайхэна не было настроения играть. По привычке он открыл публичный аккаунт Лиртэ Райнсманна. И снова тишина. После событий двухлетней давности со страницы генерала исчезли все записи, до единой.

Даже сейчас, спустя два года, Ли Хуайхэн не мог вспоминать о случившемся без душевного содрогания. Он до сих пор отказывался верить, что легендарный бог войны, символ высшей чести Империи, мог предать свою страну ради личной наживы.

Будь это правдой, разве Райнсманна не приговорили бы к высшей мере за измену? Вместо этого его лишили звания и навсегда отлучили от политики и армии. Злые языки утверждали, что это сделано лишь ради сохранения достоинства великого дома Райнсманнов, но Хуайхэн был убежден: судейские просто побоялись выносить приговор, зная, что их дело шито белыми нитками.

Это лишь подтверждало невиновность генерала. Его единственный грех заключался в том, что он был слишком талантлив и многим перешел дорогу. Кому именно помешал отец Лиртэ — Джеймс Райнсманн, глава кабинета министров — гадать не приходилось.

Подобная гниль в высших эшелонах власти вызывала у Хуайхэна ярость и глухую тревогу. Раздираемая политическими интригами и военными дрязгами Империя сама сбросила своего

защитника с пьедестала. Будущее государства виделось ему в весьма мрачных тонах.

Изгнанный отовсюду, Лиртэ Райнсмани окончательно порвал связи с семьей. В глазах общественности он стал предателем, прихлебателем врагов, на которого ополчился весь мир. Генерал впал в апатию и стал угрюмым; назойливые репортеры, лезшие к нему в душу, порой получали заслуженную затрещину, но они продолжали методично уничтожать его жизнь, пока интерес публики не угас окончательно.

Восхищение вчерашним кумиром развеялось как дым.

Когда грянул скандал, Ли Хуайхэн до последнего сражался за честь генерала в сети. Он прославился в холиварах, заработал сомнительную репутацию «одержимого», но не сдался.

Со временем все смирились, приняв официальную версию как данность. Даже сам Райнсмани перестал бороться и оправдываться. Ли Хуайхэн остался последним человеком во всем мире, который верил: этот человек не мог предать Родину, не мог предать свой народ и свою веру.

Даже если сам кумир, казалось, уже махнул на себя рукой.

Хуайхэна прозвали «одиноким героем». Над ним подтрунивали, за его сетевыми баталиями наблюдали свысока, с той смесью жалости и пренебрежения, которую вызывают юридические. В конце концов, он перестал спорить и исчез со всех площадок, где раньше кипели страсти.

Не потому, что разочаровался. Просто он понял: криком истину не докажешь.

Когда на тебя обрушивается насилие целого мира, слова бессильны. В такие минуты остается только одно — стать сильнее. Дождаться, когда время расставит всё по местам, чтобы однажды просто улыбнуться прошлому.

Ли Хуайхэн понимал горечь Райнсмани и принимал его молчание. И от этого сердце его сжималось в болезненной судороге — за себя и за него.

Он продолжал следить за обновлениями, веря, что гордый бог войны вернется с триумфом и вновь заставит Империю склониться перед своей мощью.

Но лента была пуста. Хуайхэн не знал, чего в нем больше — разочарования или горького спокойствия. Он давно привык к этому чувству.

В отличие от людей в лифте, он не искал спасения в гаджетах, предпочитая наблюдать за реальностью. Цифры на табло лифта неспешно сменились с единицы на двадцать восемь.

Ли Хуайхэн вышел на своем этаже. Кабина была еще полна — здание уходило ввысь еще на

полсотни уровней, набитое людьми, словно улей. Если посмотреть на их дом из глубин космоса, они покажутся ничтожнее пыли.

Дома его встретила тишина. Несмотря на мягкий свет ламп и вкрадчивый голос электронного ассистента, в квартире было холодно. Безжизненная безупречность интерьера подчеркивала одиночество — здесь не было никого, кто ждал бы его возвращения.

Многие люди, пытаясь спастись от вакуума в душе, заводили домашних роботов, но Хуайхэн не хотел суррогатов.

Он прошел на кухню и взял чашку горячего чая, приготовленного автоматикой ровно к его приходу. Температура была идеальной. Цивилизация достигла того уровня, когда человек мог существовать в полном одиночестве, окруженный заботой машин, и не испытывать при этом никаких бытовых трудностей.

Допив чай и покончив с ужином, Хуайхэн открыл Сомы и начал искать информацию о проекте «Цзю Чжу».

Эта игра вышла совсем недавно. Сеттинг был выдержан в духе древности — концепция довольно редкая. Несмотря на наличие групповых сражений, основной упор делался на личное мастерство игрока. Это существенно отличало новинку от популярной PVP. Возможность доната приводила «толстосумов» в восторг — те уже предвкушали, как развернутся на просторах виртуальности.

Впрочем, ради игрового баланса разработчики не давали донатам абсолютного преимущества.

В «Цзю Чжу» было заявлено девять основных классов: охотник, маг, паладин, жрец, разбойник, воин, следопыт, лучник и приручитель зверей. Само название игры — «Цзю Чжу» — недвусмысленно отсылало к этому числу.

Об общем сюжете официальные источники помалкивали.

Всё начиналось с «Новой эры», с момента зарождения мира, где девять профессий только начинали свой путь на бескрайнем континенте. Фракции поднимали головы, борьба между классами набирала обороты... Но это было лишь предисловие к большой истории.

<http://bllate.org/book/17471/1692555>